

Содержание

Введение. Мир книг	7
Глава 1. Нёвшатель. Наш герой на задании	19
Глава 2. Понтарлье. Пересечение границы и контрабанда	40
Глава 3. Лон-ле-Сонье. Как составить мнение о магазинах	74
Глава 4. Бурк-ан-Брес. Продавая книги, собирая долги	86
Глава 5. Лион. Предприниматели и пираты	101
Глава 6. Лион. Внутренняя контрабанда	120
Глава 7. Авиньон. Обмен товарами	136
Глава 8. Ним, Монпелье, Марсель. Борьба за выживание на Юге	158
Глава 9. Тулуза, Бордо, Ла-Рошель, Пуатье. Тяготы на Юго-Западе	219
Глава 10. Лудён. Торговля вразнос и капиллярная система	261
Глава 11. Блуа, Орлеан, Дижон. Верхи и низы книжного рынка в сердце Франции	304
Глава 12. Безансон. Идеальный книжный край	339
Глава 13. Нёвшатель. Обзор книжного спроса	369
Заключение. Литература как повседневный опыт	424
Благодарность	432
Примечания	436
Указатель имен	471

Мир книг

Мир книг в предреволюционной Франции был бесконечно разнообразен и богат — богат прежде всего тем обилием непохожих друг на друга людей, что его населяли. Как экономическая система он продолжал вязнуть в трясине корпоративных практик, сложившихся в XVII веке. Тут были и гильдия печатников и книгопродавцев, которая монополизировала книжную торговлю в Париже, и правовая система, по-прежнему не ведавшая, что такое авторское право, и основанная на принципе привилегии, и право короля осуществлять прямую цензуру и разрешать междоусобные споры, и около трех тысяч эдиктов. А за всей этой обветшалой барочной сценографией бурбонского миропорядка обреталась многочисленная популяция профессионалов, которые зарабатывали себе на жизнь, доставляя книги читателям.

Книготорговцы, и самые разные, были в каждом крупном городе. Тон в провинциальных центрах задавали немногочисленные патриархи. Вокруг них выстраивали свою предпринимательскую деятельность фигуры помельче: они извлекали выгоду из растущего спроса, который ощутимо пошел вверх начиная с середины века, а затем пытались свести концы с концами в куда менее благоприятных условиях 1770-х и 1780-х годов. На окраине правового пространства пытались хоть как-то заработать себе на жизнь мелкие торговцы — как правило, за счет того, что усердно снабжали товаром капиллярную систему книжных продаж. Помимо этих профессионалов, мелкой книготорговлей занимались самые разные люди. Это были владельцы маленьких магазинчиков, которые официально обеспечивали

себе место на рынке, покупая у королевских чиновников специальные сертификаты (*brevets de libraire*); частные предприниматели, которые работали нелегально; переезжающие с места на место торговцы, которые раскладывали товар по рыночным дням на уличных лотках; переплетчики, которые сбывали свои изделия из-под полы; и бродячие разносчики самого разного рода, одни из которых были счастливыми обладателями лошади и телеги, а другие перемещались пешком. Эти книгоноши представляли собой разношерстную и малореспектабельную публику обоего пола: среди самых искушенных зачастую можно было встретить замужних женщин и вдов. Все они играли крайне значимую роль в распространении книг. Вот только история литературы напрочь о них забыла. За несколькими редкими исключениями все они бесследно канули в небытие. И одна из задач этой книги состоит в том, чтобы вернуть их к жизни.

Другая задача заключается в попытке узнать, что именно они продавали. Вопрос о том, какие именно книги доходили до читателей, и о том, как люди их читали, выводит нас к более широким темам, связанным с природой коммуникации и идеологического воздействия. В этой книге я не буду напрямую касаться этих тем, но, надеюсь, смогу нарисовать достаточно подробную картину того, как функционировал литературный рынок накануне Революции и как попадали к французским читателям литературные тексты.

Для того чтобы справиться с этой задачей, я намерен сосредоточиться на том, как развивалась книготорговля в провинциях. Французская история имеет тенденцию к тому, что в центре внимания оказывается Париж, однако в XVIII веке в Париже проживало менее трех процентов населения Франции, и большую часть книг покупали жители провинций. Конечно, часть книг доставлялась непосредственно из Парижа, но гораздо чаще книжные полки заполнялись томами, изданными не во Франции; стоило только книге появиться в парижских магазинах, она тут же пиратским образом перепечатывалась

типографиями, расположенными за пределами королевства. Термин «пиратство» (французы, как правило, называли его «нелегальная перепечатка» (*contrefaçon*) и подражумевали контрафакторов (*contrefacteurs*), используя такие более крепкие выражения, как «пираты» и «корсары») в XVIII веке имел весьма широкое хождение, но он скорее сбивает с толку, чем проясняет ситуацию, поскольку речь при этом шла об иностранных издательствах, которые вели свою работу вне зоны действия привилегий (*privilèges*), даруемых французским королем. В границах королевства эти привилегии являлись простой формой авторского права. Наряду с менее официальными разрешениями, известными как «молчаливые дозволения» (*permissions tacites*), они выдавались только на книги, одобренные цензором. Иностранные издатели имели возможность перепечатывать французские книги, не обращая внимания на официальные разрешения, а также печатать такие произведения, которые никогда не прошли бы цензуру во Франции. В силу обстоятельств сугубо экономического порядка, и прежде всего из-за цен на бумагу, обе категории книг они могли издавать за меньшие деньги, чем их французские конкуренты. В результате вдоль французской границы сформировался целый ряд процветающих издательских домов, протянувшийся от Амстердама и Брюсселя через Рейнскую область и Швейцарию до самого Авиньона, который был тогда папским владением. Эти издатели, а их число измерялось дюжинами, печатали едва ли не все труды эпохи Просвещения и, я бы сказал, большую часть той современной литературы (книги по любой тематике, за исключением профессиональных справочников, требников, нравоучительных брошюр и дешевых сборников народных сказок и песен), которая существовала во Франции с 1750 по 1789 год. Они завоевали французские книжные рынки при помощи разветвленной торговой сети, частью нелегальной, особенно в приграничных районах, где главной сферой деятельности была контрабанда, но в большей степени организованной как обычные коммерческие каналы, где суетились

комиссионеры, пытаясь извлечь хоть какую-то выгоду из любой подвернувшейся возможности.

Этот обширный мир, кишачий колоритными персонажами, по большей части оставался скрытым от французских властей XVIII столетия — как и для ученых всех последующих эпох. Историки книги затронули его по краям, работая в архивах, собранных стараниями парижских чиновников¹. Однако поле зрения у государства слишком узкое. Несмотря на то что королевские чиновники, отвечавшие за книжную торговлю, составляли довольно влиятельную структуру — Управление книготорговли (*Direction de la librairie*) в королевской администрации, они плохо представляли себе, как в действительности обстоят дела вне парижских городских стен или стен палат синдикатов (*chambres syndicales*), своеобразных штаб-квартир, которыми располагали книжные гильдии в нескольких крупных городах. Для того чтобы получить возможность увидеть всю систему в более широкой перспективе, необходимо было бы поработать с архивами в провинциях и в особенности с архивами зарубежных книгоиздателей. Последние, однако, практически не сохранились — за одним-единственным исключением: у нас есть архив Типографического общества Нёвшателя (*Société typographique de Neuchâtel (STN)*), швейцарского издательского дома, обосновавшегося у самой французской границы, по ту сторону разделяющей две страны горной цепи. Издательство занималось крупной оптовой торговлей по всей территории королевства и, кроме того, выпускало собственные книги.

Архивы этого издательства, а также материалы, доступные в Париже и в провинциях, вместе составляют тысячи писем, написанных самыми разными людьми, так или иначе вовлеченными в книжную индустрию: авторами, издателями, печатниками, изготовителями бумаги, литейщиками шрифтов, производителями типографской краски, контрабандистами, возчиками, держателями складских помещений, разносчиками, литературными агентами, обозревателями, читателями и в особенности книгопродавцами едва ли не из каждого французского города. Многие из этих

персонажей обнаруживаются и в других источниках, вроде дел о банкротстве или полицейских отчетов, что позволяет взглянуть на них одновременно с разных ракурсов и получить многомерное представление о том, чем и как они занимались. Прочего рода документы из Нёвшателя — счетные книги, записи о поставках, журналы заказов, платежная книга человека, ответственного за типографию, — открывают другие аспекты торговой деятельности. Сведя их воедино, мы можем составить представление о том, как функционировала вся эта система, — и о том, как она выходила из строя и как ее заново налаживали профессионалы в области книжной торговли, старавшиеся сделать так, чтобы спрос находил предложение.

В тот временной период, который охватывают архивы *STN* (с 1769 по 1789 год), правовые рамки книжной торговли постоянно менялись, отражая изменения в политике французского государства. Версальские правительства, которые тоже часто менялись, издавали неиссякающий поток постановлений, пересматривая меры против пиратства, учреждая новые гильдии, расширяя полномочия полицейского надзора за книжной торговлей, вводя новые процедуры таможенного досмотра, а также повышая или понижая налоги на бумагу. Типографическое общество Нёвшателя внимательно отслеживало все эти новшества и выстраивало собственную стратегию в соответствии с полученной информацией. Таким образом, его документы в сочетании с источниками из парижских архивов показывают, как менялись правила игры в книгоиздательском деле, и, что еще более важно, они показывают, как эта игра в действительности велась.

Архивы *STN*, однако, настолько огромны, что исследователь рискует попросту в них утонуть. Я начал их изучать в 1965 году. С тех пор я четырнадцать раз ездил туда на все лето и один раз на зиму и прочел едва ли не все пятьдесят тысяч тамошних писем, не считая дополнительного материала, почерпнутого из бухгалтерских книг *STN*. Работа была долгой, но не трудной. Нёвшатель — красивый город у подножия Юрских гор, стоящий над прекрасным,

обрамленным виноградниками озером. Жители Нёвшателя очень гостеприимны. Со многими из них я подружился, перебирался вместе с ними с одного альпийского пастбища на другое на отрогах Юры, наслаждался бесчисленными домашними обедами и смотрел, как мои собственные дети растут вместе с их детьми — все те долгие пятьдесят лет, в течение которых я постоянно туда возвращался. В конце книги я благодарю их всех. Но проведя столько времени в нёвшательских и парижских архивах, я в конечном счете столкнулся с проблемой: как воздать должное столь богатому материалу. Если бы я взялся пересказывать истории всех тех людей, о которых узнал, моя книга разрослась бы до многотомника. Так что я предпочел разместить представительную подборку документов, а также мои более ранние публикации на сайте с открытым доступом: www.robertdarnton.org. Те читатели, которым захочется продолжить знакомство с темами, поднятыми в этой книге, могут зайти на сайт и построить свой собственный маршрут через представленные там оцифрованные источники. Сайт избавляет меня от необходимости перегружать книгу ссылками, однако не решает другой проблемы: я должен выстроить повествование таким образом, чтобы, с одной стороны, затронуть узкоспециальные аспекты проблемы, а с другой — не утратить при этом читательского интереса. И я решил представить свое исследование не вполне обычным образом. Вместо того чтобы писать очередной научный труд, я отправлюсь по следам одного торгового представителя из *STN* той же дорогой, которой он путешествовал по Франции, и стану обращаться к наиболее значимым аспектам книжной торговли в том же порядке, в каком с ними сталкивался он сам, дополняя картину сведениями, почерпнутыми из богатейших архивов страны.

Наш торговый представитель (*commis voyageur*, британцы предпочитают термин *commercial traveler*, а американцы чаще говорят *traveling salesman*) был двадцатидевятилетним порученцем Типографического общества Нёвшателя по имени Жан-Франсуа Фаварже. 5 июля 1778 года он сел на лошаадь и пустился в пятидесятидневное путешествие по Франции,

заезжая по дороге едва ли не в каждую попадавшуюся книжную лавку. Он продавал книги, забирал счета, инспектировал типографии, зондировал рынки, составлял мнение о конкретных деловых предприятиях и оценивал характер книгопродавцев — в общей сложности более чем ста человек. Вернувшись в ноябре обратно в Нёвшатель, Фаварже знал о книжной торговле больше, чем на то может надеяться любой профессиональный историк. К счастью, те следы, которые он за собой оставлял, были бумажными — подробный дневник и письма, дотошнейшим образом детализированные, — и позволяют проследить за ним по всей Франции, а в процессе исследовать книжную торговлю на самом что ни на есть низовом уровне. Кроме того, в архивах *STN*, среди тысяч и тысяч писем ото всех, кто имел отношение к книгоизданию в период с 1769 по 1789 год, несколько сотен — от тех книготорговцев, с которыми встречался Фаварже. Так что совершенный им тур де Франс открывает перед нами обширный пейзаж книжной культуры.

С точки зрения торгового представителя литература выглядит не столь грандиозно, как если бы мы взялись изучать корпус великих книг, написанных великими авторами. Я вовсе не намерен сбрасывать со счетов тот старомодный подход, который по-французски именуется «жизнь и творчество» (*l'homme et l'oeuvre*), хотя среди современных литературоведов он особым уважением и не пользуется. Напротив, меня вдохновляют такие шедевры, как «Утраченные иллюзии» Бальзака, — воображаемые картины того мира, который я пытаюсь восстановить по архивным источникам и который существовал за десять лет до рождения Бальзака (1799). Я намерен исследовать книжный мир Старого порядка (*Ancien Régime*), каким он был, когда становился источником опыта и предметом постижения для профессионалов, начиная со скромной фигуры коммивояжера. Но я не собираюсь заниматься антикварным делом: избранный здесь подход должен вести от микроскопических деталей к более широким умозаключениям. Я буду затрагивать проблемы, связанные с практиками книгоиздания,

с распространением книг, с операциями на книжном рынке, с ролью книготорговцев как культурных посредников и со спросом на литературу. В конечном счете я надеюсь показать, какие именно книги циркулировали на литературном рынке в те два десятилетия, что предшествовали Французской революции. Несмотря на неполноту данных, я предложу читателю списки тогдашних бестселлеров, что даст представление о литературных вкусах в разных частях страны. Кем были тогдашние читатели и как они понимали прочитанное, я сказать не могу, поскольку на этот счет не располагаю их собственными свидетельствами; однако я льщу себя надеждой, что сумею восстановить общие очертания спроса, потребительские паттерны — что бы ни имелось в виду, когда речь идет о потреблении книги.

Моя вторая цель состоит в исследовании всего того, что так восхищало Бальзака: жизненных стилей, свойственных обычным людям, которые принадлежат к слоям общества, редко попадающим в наше поле зрения. Мне хочется понять, как жили книготорговцы, как выстраивались отношения между посредниками, доставлявшими книги читателям. Если книготорговцы и появляются в истории литературы, то исключительно как бесплотные тени. Но если взглянуть на них с точки зрения торгового представителя, да еще и приглядеться попристальнее к документам из издательских архивов, предстают сложные индивидуальности этих людей. Появляются самые разные фигуры: от гильдейских уполномоченных и патриархов старых торговых семей до букинистов и мелких подпольных торговцев.

Самые полные досье позволяют проследить за всеми этапами их жизненного пути. Пройдя период ученичества, мужчина находит женщину с приданым, женится, заводит собственный магазин, набирает ассортимент, пускается в рискованные предприятия, ему внезапно везет, затем он оказывается на грани банкротства, он заболевает и умирает, оставив свое дело сыну или, в немалом количестве случаев, изворотливой и цепкой вдове. Другое досье рассказывает историю деревенского учителя, который пытается подрабатывать продажей книг, но чаще всего у него не окупаются

даже расходы на доставку. Он пускает жильцов, возделывает крохотный виноградник и умирает, не теряя надежду на следующий урожай, который принесет, может быть, достаточно денег, чтобы его подпись на просроченном векселе хоть чего-нибудь стоила. Папка, заполненная кое-как нацарапанными записками, где одна орфографическая ошибка следует за другой, дает представление о способе жизни разъездного торговца (*marchand forain*): в качестве адреса на долговых расписках у него всякий раз значится постоянный двор, потому что постоянного местопребывания у него нет. Свой товар он возит на телеге с одной сельской ярмарки на другую — до тех пор, пока его лошадь в силах передвигать ноги. Если она околеет или если у него самого не останется никаких оборотных средств, он не сможет объявиться на этом постоянном дворе в день обязательной выплаты, и судебный пристав вычеркнет его из списка людей, заслуживающих доверия, как бродягу с «местожительством на воздухе» (*domicile en l'air*). Документы фиксируют бесчисленные вариации человеческой комедии, разыгрывавшейся в книжном мире два века назад.

И через все эти документы проходит красной нитью еще одна тема из тех, что зачаровывали Бальзака: страсть к деньгам. Конечно же, следует сделать скидку на специфический характер источников, поскольку большая часть папок содержит деловые письма, в которых речь прежде всего и должна идти о прибылях и убытках. Но письма также передают и нравы, и чувства, присущие эмоциональному регистру, особому для специфической формы капитализма, — не только желание услышать звон золотых монет (*écus bien sonnants*), но и потребность в доверии (*confiance*) в ходе весьма опасной игры, где каждый игрок изо всех сил старался не дать себя обмануть в круговерти привычных профессиональных хитростей: пиратства, контрабанды, шпионажа, блефа, фальшивых банкротств и нелегальных операций, которые проводились из-под полы (*sous le manteau*) или из-под прилавка (*sous le comptoir*).

Конечно же, все эти практики процветали и в XIX веке, когда их изучал Бальзак, их обнаруживаешь и в другие

времена и в других странах. Но книжная торговля XVIII века производит редкое впечатление свежести, которая сильно ощущается по многим досье. Книгопродавец — или издатель, книгоноша, контрабандист, поставщик — оказывается не в состоянии погасить вексель в нужную дату. Следом подходят другие платежи. Он балансирует на грани банкротства, заключает сделки с самыми нетерпеливыми кредиторами, вновь обретает почву под ногами, затем поскальзывается, падает и исчезает из виду. Письмо от соседа или от коллектора ставит в истории финальную точку: «Оставил ключи под дверью»; «Завербовался в армию»; «Уехал в Россию»; «Уплыл на корабле воевать в Америку»; «Его жена и дети просят милостыню на паперти». Не то чтобы все эти письма следовало принимать за чистую монету. Они всегда тенденциозны, всегда преследуют какой-то интерес и никогда не предлагают нам незамутненной картины реальности. Однако при всей их субъективности, а может быть, именно благодаря ей, они показывают, как конструировалась эта самая реальность в одной из интереснейших субкультур Старого режима.

Ко всему прочему, эти письма мы имеем возможность читать в отраженном свете сведений, полученных от Жан-Франсуа Фаварже, нашего торгового агента. В его задачу входило вникнуть в характер и в манеру ведения дел каждого попавшегося по пути книготорговца. И совершенный Фаварже тур де Франс дает нам, таким образом, ту структурную основу, на которой держатся многие романы. Следуя за ним по карте Франции из города в город и из деревни в деревню, можно увидеть, как сплетаются между собой судьбы самых разных людей — и все ради того, чтобы в царстве литературы пришли в согласие между собой предложение и спрос.

Несмотря на то что история Фаварже смахивает на плутовской роман, ее имеет смысл рассматривать в рамках экономики и социологии ничуть не в меньшей степени, чем в рамках истории литературы. Рассказывая ее, я старался вскрыть максимально широкие контексты, на которые она выводит, — и при этом избежать слишком откровенных

экскурсов в область литературно-биографическую. Однако на сайте я выложил пару дюжин биографий, которые по большому счету могут служить чем-то вроде портретной галереи книготорговцев XVIII столетия. Кроме того, на сайте можно найти расшифровку самого дневника, переписку Фаварже с *STN*, письма книгопродавцев и подробную информацию о тех городах, где они жили, — о населении, производстве, торговле, уровнях грамотности, органах управления, учреждениях культуры, а также тогдашние отчеты об издательской и книготорговой деятельности и ссылки на дополнительную литературу. Поскольку сайт содержит настолько объемный материал — оцифрованные версии всех исходных рукописей, документы о контроле за книжной торговлей, десятки статей, написанных мной за последние сорок пять лет, — я постарался сделать эту книгу относительно короткой. Те из читателей, кто захочет подробнее разобраться в каких-то конкретных темах, смогут обратиться к сайту и использовать находящиеся там документы для того, чтобы предложить новые интерпретации и поставить под сомнение сделанные мною выводы.

Короче говоря, эта книга рассказывает историю, которая должна быть интересной сама по себе, но при этом всегда может переадресовать читателя к энциклопедической цифровой базе данных. Читать ее можно самыми разными способами. И наконец, я надеюсь, что она доставит удовольствие тем, кто хочет ознакомиться с такой невероятно интересной областью исследований, как французский книжный мир XVIII века.

Несколько замечаний о терминологии. Поскольку названия французских учреждений времен Старого режима перевести на английский весьма непросто, многие из них я сохранил в оригинальном виде. *Parlement* означает суд высшей инстанции, обладавший определенной политической властью, но и близко не сопоставимый с британским парламентом. *Ferme générale*² была частной корпорацией, которая занималась сбором косвенных налогов, осуществляла таможенный досмотр и патрулирование французских границ. Термин *livres philosophiques* использовался

издателями и книготорговцами по отношению к строжайше запрещенным книгам, которые они издавали и продавали. В этих книгах могли содержаться радикальные философские идеи — скажем, нападки на христианские догматы, — но с тем же успехом они могли быть порнографическими, бунтарскими или содержать клевету касательно личной жизни высокопоставленных особ. Таможенные документы, позволявшие властям отслеживать ввозимые книги, именовались *acquits à caution*. Во второй главе речь идет как раз о том, что контрабандистам и агентам по доставке товара приходилось каким-то образом обзаводиться *acquits à caution* для того, чтобы их груз попросту не конфисковали. Палаты синдиков (*Chambres syndicales*) были штаб-квартирами книжных гильдий в провинциальных городах, где досматривались грузы и где проверялись (то есть «гасились» (*déchargés*), на жаргоне таможенников) *acquits à caution*.

Поскольку я не ожидаю от читателя близкого знакомства с названиями книг и документов, упомянутых в этой книге, равно как и свободного владения французским языком, перевод каждого названия я стану давать в квадратных скобках при первом упоминании текста³ — за исключением случаев очевидных, наподобие *Lettre de M. Linguet à M. le comte de Vergennes*.